

Снаружи снова пошел тихий, шуршащий снег.

Добраться до виллы клана Лу оказалось непросто: таксист довез его лишь до середины склона, где стояла вилла, и наотрез отказался подниматься выше.

Лу Юйань не стал настаивать — сил пока хватало. Он побрел вверх по извилистой горной дороге, глубоко проваливаясь в сугробы. Тонкий белый костюм совсем не годился для такой погоды: как бы бережно Юйань ни ступал, штанины быстро покрылись пятнами подтаявшего снега.

Сегодня на вилле клана Лу намечался званый ужин, и мимо одна за другой проносились дорогие машины. Ситуацию осложняло то, что после пережитого в детстве похищения Юйань почти ничего не слышал правым ухом. Из-за этого он совершенно не различал, откуда доносится звук, и вынужден был идти по самому краю дороги, жмясь к крутому обрыву.

Несколько щегольских спорткаров во главе с ярко-желтым суперкаром с оглушительным сигналом намеренно прижали его к самому склону, пролетев в считанных сантиметрах от него. Грязная жижа из-под колес брызнула на кремовые брюки. Деваться было некуда.

Юйань знал: это сделали нарочно.

Вся эта компания — золотая молодежь Южного города, выросшая бок о бок с Лу Юйнином. Юйнина в их кругу обожали, всячески оберегая этого послушного и ласкового мальчика. Когда Юйань вернулся в семью, эти приятели испугались за положение Юйнина. Кое-кто из особо дерзких даже подговаривал собственных родителей забрать Юйнина к себе и усыновить. Они искренне сочувствовали любимцу, поэтому бойкот и презрение к новоявленному наследнику быстро стали для них негласным правилом.

Юйаню было плевать. Хотя совсем чужими эти люди ему не были. Смутное детское воспоминание подсказывало, что вожак этой золотой оравы — тот самый парень за рулем желтого спорткара — когда-то был его близким другом. Они даже клялись на мизинцах дружить до гроба.

«Но разве можно принимать детские обещания всерьез?»

С остановками, едва переводя дыхание, он наконец добрался до виллы клана Лу на склоне горы. Солнце клонилось к закату, сгущались сумерки. Возле ограды вытянулась вереница роскошных авто, а в залитом светом особняке вовсю гремело торжество.

Тонкие брюки промокли насквозь от талого снега и ледяным шелком облепили ноги, лишая последнего тепла. Колени почти не гнулись от стужи. Физическую боль Юйань еще мог перетерпеть, но сковывающий, идущий из самого детства панический страх перед холодом мучил его куда сильнее.

Жалкий, продрогший, он выглядел нелепым чужаком среди разодетой публики. Юйань давно научился не бояться косых взглядов. И все же ему хотелось, чтобы сын Лу Чжэнцина и младший брат Лу Ванбэй выглядел чуточку достойнее.

К счастью, охрана на воротах его узнала и препятствовать не стала. Под недоуменные, а затем сменяющиеся презрительным пониманием шепотки гостей Юйань ступил на территорию поместья клана Лу.

— Это тот самый мальчишка, которого Лу вернули?

— Какой-то он... совсем не чета им.

— Ни капли сходства ни с дядей, ни с тетей. Наш Ниннин и вполноту так вульгарно не выглядит. Сдается мне, вышла какая-то ошибка. Ну какой из него наследник клана Лу?

Последняя фраза прозвучала подчеркнуто громко — говоривший явно целился прямо в Юйаня.

Юйаню не нужно было оборачиваться, чтобы узнать этот голос. Это был его кузен, младший ребенок в семье и всеобщий любимец, а по совместительству — преданный защитник Лу Юйнина. С самого первого дня он цеплялся к Юйаню по любому поводу, квохча над Юйнином, как наседка над цыпленком. По правде говоря, большая часть семейных скандалов вспыхивала именно из-за выходов этого кузена.

Но сегодня Юйань не стал ввязываться в спор. Он просто прошел мимо, даже не повернув головы. Смертельный диагноз принес неожиданное облегчение: Юйань наконец-то научился принимать реальность такой, какая она есть.

«Они ведь правы. И выразились еще довольно мягко».

Он действительно не был похож на членов семьи Лу — ни лицом, ни характером. Клан Лу славился в Южном городе как благородная династия потомственной интеллигенции. Отец и братья слыли образцовыми господами — мягкими, утонченными, подобно безупречному нефриту. Юйань же на их фоне казался угловатым, грубым булыжником.

И все же, будучи диким камнем, он всем сердцем жаждал огранки — хотел стать ближе к отцу и брату.

Сегодня был день рождения отца. В главном зале именинник и Лу Ванбэй так и не появились: скорее всего, принимали особо важных гостей.

Окруженный шуршанием шелка и ароматами дорогих духов, Юйань упрямо расправил плечи. Промокший насквозь, он не выказал и тени смущения под перекрестным огнем чужих взглядов. Лишь слегка прижал к груди старый рюкзак и уставился на двери, ведущие в жилую

часть виллы клана Лу. Он знал, что отец и брат сейчас там.

Им не нравилось, когда он вел себя капризно и отвлекал их по пустякам. Они повторяли это сотни раз.

Юйань никогда не был слабаком. Он в одиночку выслушал приговор врачей, сам принял решение отказаться от агрессивной химии. Но сейчас, находясь в сотне метров от родных, которых не видел целый год, он почувствовал, как рушится его глухая броня. Нахлынувшая слабость и безумное желание увидеть близких победили доводы разума.

Отбросив сомнения, он обогнул особняк и направился через сад к жилому крылу.

За год его отсутствия здесь многое изменилось. Старый раскидистый вяз, росший у самой стены, срубили. На его месте теперь пламенели кусты нежных роз, чьи бутоны отражались в глянцевой глади декоративного бассейна. Без густой тени дерева комната на втором этаже стала намного светлее — сквозь приоткрытые сизые портьеры отчетливо виднелся мольберт.

Когда-то это была комната Юйаня. Теперь ее превратили в мастерскую для Лу Юйнина.

На мгновение Юйань застыл, но тут же заставил себя сделать шаг. Ноги затекли от холода, и суставы двигались с трудом. Должно быть, дело было только в этом.

— Второй брат! — донеслось из глубины сада.

Юйань вздрогнул. Этот голос он узнал бы из тысячи.

Лу Юйнин в белоснежном шерстяном пальто поверх такого же костюма спешил к нему навстречу. Он преградил Юйаню путь и заглянул в лицо круглыми, как у олененка, влажными глазами.

— Второй брат, ты наконец-то вернулся! Мы все так за тебя переживали, — его мягкий, певучий голосок мгновенно располагал к себе любого.

Юйань плотнее запахнул мокрую куртку и процедил сквозь зубы:

— С дороги.

Он никогда не пытался скрыть неприязнь к этому человеку. Пусть другие считают его мелочным и завистливым — принять Юйнина он не мог и не собирался. Не всем суждено быть друзьями. В конце концов, если половина города презирает его самого, почему он обязан любить Лу Юйнина?

На лице Юйнина на долю секунды отразилась глубокая обида, но он не отступил. Словно боясь, что старший брат сейчас развернется и уйдет, он сделал шаг вперед, вплотную преграждая дорогу.

— Брат, если бы ты знал, как нам тебя не хватало! Пожалуйста, останься дома, не уходи больше...

Юйань проигнорировал его слова и попытался обойти назойливого мальчишку. Юйнин порывисто схватил его за рукав, но пальцы соскользнули. Потеряв равновесие на обледенелой плитке, он покачнулся.

Юйань нахмурился и инстинктивно вытянул руку, пытаясь удержать его. Рядом находился бассейн с ледяной зимней водой. У Юйнина было слабое здоровье, и такое купание гарантированно уложило бы его в больницу. Юйань презирал брата, но не опустился бы до мелких пакостей.

Но он не успел.

Раздался громкий всплеск. Юйнин тяжело рухнул в воду. Падая, он увлек за собой и Юйаня. Обжигающий холод пробрал до костей, заставив Юйаня судорожно глотнуть ртом воздух. Рюкзак выскользнул из его рук и ушел под воду.

Не обращая внимания на барахтающегося рядом брата, Юйань рванулся вверх, выудил рюкзак из воды и торопливо рванул молнию. Дрожащими руками он извлек завернутый свиток.

Традиционная тщательная кисть не терпит влаги. К счастью, плотная водонепроницаемая обертка спасла шедевр — бумага осталась сухой. Он только-только облегченно выдохнул.

— Лу Юйань! — прогремел яростный мужской голос.

Из-за поврежденного уха Юйань не сразу понял, откуда кричат. Он растерянно, почти нелепо огляделся по сторонам и лишь тогда заметил отца, стремительно шагающего к нему от дверей особняка.

Юйань застыл на месте.

Лу Чжэнцин тяжело дышал, его лицо исказилось от гнева. Он буравил старшего сына тяжелым, обвиняющим взглядом.

— Что ты натворил?!

Лу Ванбэй, всегда безупречно спокойный и сдержанный, в один миг растерял всю свою

обычную выдержку. Не обращая внимания на ледяную воду, он шагнул прямо в бассейн и бережно подхватил дрожащего Юйнина.

Проходя мимо Юйаня, брат ожг его таким ледяным, полным презрения взглядом, что у того онемели пальцы. Слово «брат», едва зародившееся на губах Юйаня, так и не сорвалось со спекшихся губ.

— Брат, все хорошо, — прошептал Юйнин, прижимаясь к Ванбэю. Его бледное лицо озарилось слабой, виноватой улыбкой. — Не переживайте за меня.

Ванбэй бережно вынес его на берег и усадил на бортик. В его строгом голосе сквозила неподдельная тревога:

— У тебя операция на сердце на следующей неделе! Что, если ты простудишься?

Он тут же сбросил свое теплое пальто и укутал им посиневшего от холода мальчика.

Огромное кашемировое пальто превратило Юйнина в совсем хрупкого воробушка. Он плотнее запахнул полы и хитро улыбнулся:

— Но ведь ты обо мне позаботишься, правда?

Ванбэй невольно смягчился, его нахмуренные брови расправились. Ну как можно было не любить этого ласкового, понимающего ребенка?

Юйань безучастно отвел взгляд. Крепко прижимая к груди спасенный свиток, он неуклюже, с трудом переставляя окоченевшие ноги, вылез на каменные плиты сада. Вода ручьями стекала с его промокшей одежды на землю, а колючий ветер безжалостно выдувал остатки тепла.

Широкая грудь Лу Чжэнцина тяжело вздымалась. На обычно бесстрастном, холеном лице отца от ярости вздулись вены. Он сделал широкий шаг вперед, нависая над исхудавшим Юйанем всей своей могучей фигурой.

Юйань поднял на него потемневшие глаза. Бескровные губы дрогнули, пытаясь произнести тихое «отец».

В следующую секунду раздался резкий, хлесткий удар.

Юйань отлетел в сторону. Он едва удержался на ногах, ухватившись за кованые перила. На его бледной щеке мгновенно проступил багровый след. Тяжелая сапфировая запонка на рукаве отца рассекла кожу, и из тонкого пореза медленно закапала кровь, ярким контрастом выделяясь на мертвенно-белом лице. Рана выглядела пугающе глубокой.

Лу Чжэнцин сам не ожидал, что удар выйдет настолько сильным. Он невольно качнулся вперед, ведомый отцовским инстинктом, но тут же взял себя в руки. Замерев на месте, он холодно посмотрел на сочащуюся кровью щеку старшего сына и сухо приказал:

— Живо извинись перед Ниннином!

<http://bllate.org/book/19801/1979866>